

О философском факультете МГУ и судьбе политических наук в советское время

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1410>

19 января 2012

Собеседник

Соколов Василий Васильевич

Ведущий

Найденкин Михаил Сергеевич

Дата записи

Беседа записана 19 января 2012 и опубликована 24 октября 2012.

Введение

Первая беседа с историком философии, заслуженным профессором МГУ Василием Васильевичем Соколовым посвящена истории философского факультета и, в частности, проблеме существования и институционализации политических наук в советское время. Василий Васильевич — подлинный и внимательный свидетель века, друг и коллега великих ученых: Алексея Федоровича Лосева, Валентина Фердинандовича Асмуса и многих других. Первая беседа с Василием Васильевичем носит несколько сумбурный ассоциативный характер, однако вполне отражает его точку зрения на судьбу советской философии и политических наук.

Михаил Сергеевич Найденкин: Очень интересно услышать просто о философском факультете то, что вы сами бы выделили. Мне очень понравились беседы Козырева Алексея Павловича с вами, очень было интересно послушать.

Василий Васильевич Соколов: Когда?

М.Н.: Это 2003 год еще был.

В.С.: Запись.

М.Н.: Я читал расшифровку, текст.

В.С.: Это он меня записывал?

М.Н.: Да, да. Ваши ответы на вопросы в журнале «Вопросы философии» о детстве, о том, как вы учились, почему все-таки предпочли философию, а не историю, почему перешли.

В.С.: Как сказать...

М.Н.: Может быть, отсюда и начнем?

Политология в СССР

В.С.: Я предпочел историю философии — и то, и другое. Поэтому вот последняя книга, за которую я документ должен получить, так и называется «Философия как история философии». Это проблемная [книга]. История философии от предфилософии египетской, шумеро-вавилонской, еврейской — Ветхий Завет, иранской... Это то, что называется мифологией, но в мифологии же мировоззренческих идей не мало. Она продается еще, она не дорогая. Сейчас готовится второе издание. Что же я хочу сказать. Мы вернемся к политологии в конце. Это ведь главное у нас. Говорить о политологии в условиях СССР трудно. Собственно, какой-то профессиональной политологии фактически не было. Она заменялась, или, точнее, она включалась в историю партии. А вот историй партии было несколько. Да, Зиновьев там, другие. И были кружки по истории партии, само собой, и лекции существовали, предмет был. Кружки были в 30-х годах. Наверно, и до того были, но я не захватил. Но все это, как и все эти учебники, и просто разные очерки, они были поглощены вот этой работой под редакцией Сталина, а может быть, он целиком написал — редакция, по-видимому — «Краткий очерк истории ВКП (б)».

М.Н.: Да, знаменитый.

В.С.: А до этого были самые разные, так вот назывались, это и была политология. А какой-то особой, предмета политологии, его не было. Вот в МГУ на философском факультете, где-то году в 64-м — 65-м, может быть, появилось отделение научного коммунизма.

М.Н.: Сначала кафедра, потом отделение.

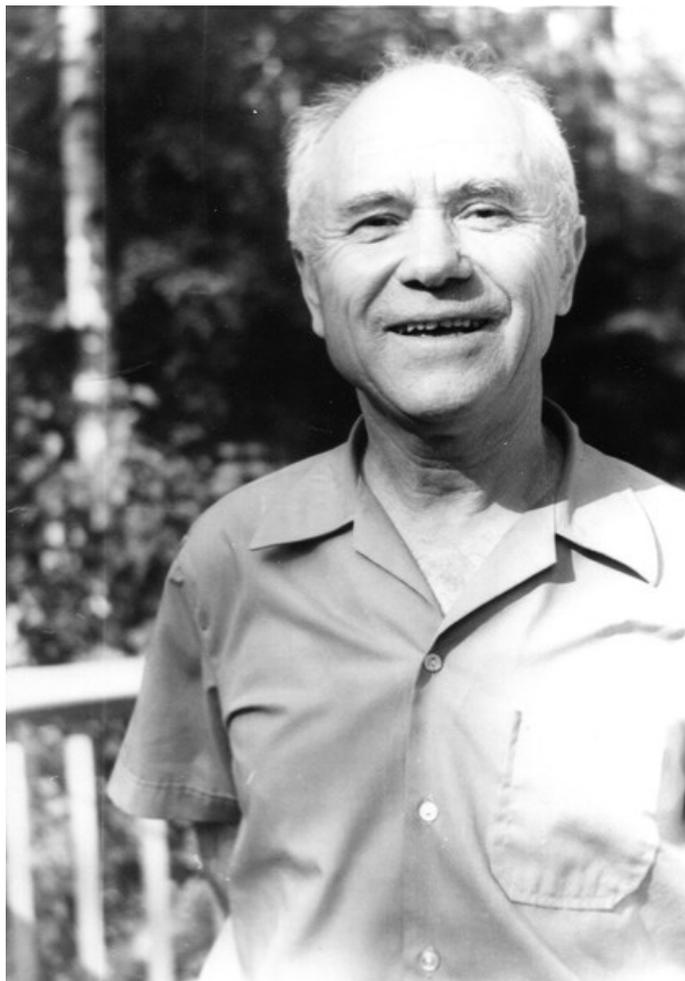
В.С.: Правильно, сначала кафедра, конечно. Да, я думаю, что отделение, как-то его называли, но оно равнялось кафедре. Да, основание. Мы были заинтересованы. Все преподаватели, которые хотели работать, тут уже не всем хватало работы, и потом не все подготовлены. Кафедры были тогда, скажем, на 60-е годы только такие. До войны на философском факультете и нашем, и еще философских факультетов до войны было пять-шесть: московский, ленинградский, свердловский, киевский, тбилисский, ростовский. Вот факультеты, 6 я их насчитал. Потом число их увеличилось, но не на много по сравнению с нашим временем: сейчас то ли 47, то ли 57 философских факультетов. Даже в Москве только их 5, по моему.

История философского факультета МГУ

М.Н.: Но первенство МГУ никто не оспаривает до сих пор.

В.С.: А что оспаривать, если он зафиксирован во всех... Например, Высшая школа экономики — и там есть философский факультет. Спрашивается: зачем? У вас профиль такой. А там есть философский факультет, на нем отделение политологии. И даже факультет. Я не знаю, я никогда в этой школе не был, слышал не раз, что там зарплата раза в три больше, чем в Московском университете. Почему? Непонятно. Есть же экономический факультет в МГУ. Что тут нельзя было? Который перешел из МИФЛИ, между прочим. В МГУ до декабря 41-го года, вот сейчас юбилей справляли, не организация факультета, а воссоздание. Какое там воссоздание? В МИФЛИ, где я учился, там было четыре факультета. Он организован был в 31-м году как ИФИ, два факультета: история, философия. На факультете была лишь одна кафедра: диамата и истмата. Но там был активный, молодой и растущий, всегда молодой доцент, потом он стал профессором — Георгий Федорович Александров. Он был первым, кто защитил публично докторскую диссертацию по истории философии, конкретно по Аристотелю. Подробности я вам излагать не буду. Защитил и образовал кафедру истории философии, это была вторая кафедра. Диалектического и исторического материализма — во-первых. И кафедра истории философии была создана за год до войны. Но Александрова, которому тогда было 31–32 года, взяли в аппарат Коминтерна и потом в ЦК в 36-м. В особенности 37-й и 38-й — в эти годы столько было арестовано, что образовались места, должности. И в Центральном комитете сколько их арестовали. И вот, в частности, как человек молодой 31–32 года, он туда был переброшен, но создав вот здесь кафедру. И эту кафедру истории философии, вторую тогда, он перепоручил профессору, в отличие от Александрова, весьма образованному, со старым образованием.

М.Н.: Дореволюционным?

В.С.: Да, но он успел окончить даже Московский университет. Дело в том, что в Московском университете был историко-филологический факультет, и там отделение философии с двумя кафедрами, а именно: психология и история философии. Никакой философии другой, кроме истории, они не признавали, да Гегель так же. У Гегеля как кончается абсолютный дух? История философии для Гегеля... Вот, Чернышев рядом с Лосевым. Портрет неудачный, но все равно его никто теперь уже не знает. Жив ли его сын? Никто не знает. Вторая кафедра... Потом война, эвакуация. Там именно по распоряжению Александра, а он тогда был членом оргбюро ЦК, имел право кадровых решений в философии. И когда в Ашхабаде оказался и МГУ, может частично, не знаю и МИФЛИ — Московский институт философии, обратились к Александрову. Он говорит: «Вливайтесь в МГУ». И так в МГУ появился из ИФЛИ факультет философский. Вот, «воссоздание», а он был, вообще-то говоря. Причем, он влился в МГУ. У преподавателей тут война шла, но кто-то из преподавателей остался из ИФЛИ. Вот, философский. Исторический, понимаете, был и в ИФЛИ, и в МГУ, причем в МГУ позже появился. В ИФЛИ с 31-го года, а в МГУ с 34-го, они слились: философский, исторический, филологический — здесь уже не было — когда-то до революции был историко-филологический факультет. Он был перечеркнут революцией. Филологического и экономического тут не было. Экономический тоже перешел из МИФЛИ. Дальше, во время войны, я написал там кое-что в своих воспоминаниях. А именно, все-таки после этой истории с письмом Белецкого, которого я описываю, и с пертурбациями здесь появилась кафедра истории русской философии, то была общая, на которой русской лекции читали со стороны, но как кафедры особой не было. Она в 44-м году появилась.

М.Н.: А Белецкий действительно был столь одиозной фигурой?

В.С.: Ужасно. Он был малограмотный. Он по образованию медик, врач, но окончил Институт красной профессуры. Вот эти пышные названия в советское время были не редки. Да, красной профессуры. Большинство из них были уже новой формации, они кончили кое-как, и не все в вузах учились. Это тоже считалось вузом — «Красной профессуры»! Вот он оттуда. Здесь он работал, и профессора присвоили без защиты. Тогда защиты были раз, два и обчелся.

М.Н.: Да, вы писали о том, что организация защит была в начальной стадии буквально, да?

В.С.: Да. Просто не было, по крайней мере, в общественных науках и в философии, прежде всего. И первым защитил публично диссертацию Александров. Другое дело, какого качества была его диссертация. Он где-то в МГУ был до этого. Какие-то остатки здесь были, но, в общем, все это было передано в МИФЛИ. Потом в войну появилась вот эта третья кафедра, а после войны преподавать стали логику по указанию Сталина, между прочим.

М.Н.: Вы пишете об этом.

В.С.: Постепенно появилась кафедра логики. Ее возглавил сначала профессор Попов Павел Сергеевич.

М.Н.: Тоже с дореволюционным образованием?

В.С.: Да, да. Однокурсник Лосева. Оба они в 15-м году закончили философское отделение историко-филологического факультета. Они в гимназиях учились, они хорошо [образованы]. В общем, о Лосеве говорить, образованы были: древние языки, новые языки.

М.Н.: Классически образованы.

В.С.: В гимназиях классических преподавались жестко латынь и греческий. Но потом в некоторых гимназиях облегчили: латынь обязательно, а греческий не обязательно.

М.Н.: А как сложился с Лосевым у вас личный контакт, который был так или иначе?

В.С.: Это особо, я вам скажу.

М.Н.: Особая тема?

Создание кафедры научного коммунизма

В.С.: Да. Вот, появилась кафедра логики. Попов Павел Сергеевич и возглавил ее, но потом начались... Тут, ведь это рассказывать, [была] логика нормальная, традиционная, аристотелевская и логика диалектическая, так называемая. От Гегеля она идет. Логика, которая теперешняя, она не сразу... На Западе-то она была: логика математическая и символическая. Попов-то ее уже знал, и Асмус там работал, он ее тоже знал. Он прекрасный был знаток логики, обычной логики. Вот эта кафедра четвертой стала. Ну, что же, нету этики, эстетики. Они были организованы в конце 60-х годов. И спор о диалектической логике... И вот, когда появились и эти кафедры, уже их сколько? Этика, эстетика... Очень трудно пробивалась социология. Сначала методика социологических исследований, начальство не хотело: «Как? Есть истмат, а это что по-вашему не социология?» Но диамат и истмат тоже распались: одна кафедра — диамат, другая кафедра — истмат. Вот и тогда те, кто хотел работать, это проще стали доказывать: «Почему нету кафедры научного коммунизма?» У марксизма, как известно, три источника, три составных части: философия, политэкономия, а научного коммунизма как третьей составной части не было. Как это так?

” **Стали добиваться такой кафедры. Никак не могли заведующего найти. Никто не хотел, потому что история партии, истмат во многом переплетаются. И как-то уговорили, но он был склонен, Александра Митрофановича Ковалёва.**

М.Н.: А он был на какой кафедре до этого, вы не помните?

В.С.: Он был на истмате. Организовали ему срочно защиту диссертации. И вот, после этой защиты утверждение. Он и стал вестать этой кафедрой. Я даже не помню, когда появилось отделение. Повторяю, на отделении там была только эта кафедра, отделение научного коммунизма равнялось кафедре, но, правда, потом...

М.Н.: А мировой революционный процесс, мне кажется, был?

В.С.: Да. Все-таки вспомнил. Появилась история социалистических учений. Была политэкономия — кафедра общая, своей кафедры не было на философском факультете. С экономического факультета ее читали. Хотя тот же самый экономический факультет образовал... Сюда перенесли МИФЛИ. Там сначала появился факультет политэкономии, в МИФЛИ. И в эвакуации на ряду с философией в МГУ появилась кафедра политэкономии. А потом разрасталась, а сейчас и говорить не о чем.

М.Н.: Василий Васильевич, а какие были на факультете мнения на этот счет, может быть обсуждения, может быть неформальные точки зрения по поводу того нового отделения, которое появляется?

В.С.: Какие рассуждения? Видите ли, они добивались (они: Ковалёв и другие) образования факультета научного.

М.Н.: Факультет хотели.

Дублирование научной проблематики

В.С.: Они боролись, так сказать. Все делалось так: факультет, ЦК, соответствующие отделы. Но все же не очень хотели в ЦК. Почему? Потому что много появилось дублирования. Все это: истмат, научный коммунизм, политэкономия — стало бедствием дублирование проблематики.

М.Н.: Василий Васильевич, знаете, мне проректор, свидетель того, как Ковалёв ходил к министру образования с письмами по поводу открытия нового факультета научного коммунизма, [рассказывал]. Сам министр в частных разговорах говорил о том, что этой дисциплине — научный коммунизм — отмерен определенный срок, и потом вы будете стесняться или вам будет плохо от того, что в МГУ вы открыли факультет с дисциплиной, которая имеет 20–30 лет срок жизни.

В.С.: Каких 20–30? О чем он говорил?

М.Н.: О научном коммунизме. Так говорил министр образования в 60-е годы.

В.С.: Елютин?

М.Н.: Да, Елютин.

В.С.: Там заместитель его Мохов Николай Иванович. Этот делал все, чтобы не было кафедры социологии. И его пробили, кафедра «методики конкретных социальных исследований», вот так называли. «Есть истмат. Чего вам еще? Какая вам еще социология нужна?» А на счет тех лет я вам скажу так: в 71-м году в каникулы собрали преподавателей МГУ многих и профессоров, по крайней мере, хотя не только. В Красновидове, в каникулы. И с одним вопросом: «Как преодолевать дублирование?» Выступали там. Я тоже выступил. Я сказал просто: «Что же мы боремся? Можно ли бороться с дублированием?» — «Почему?» Я говорю: «Золотой запас теории, произведения Маркса, Энгельса, Ленина, а Сталин был отброшен после XX-го съезда, золотой запас не изменен. И, естественно, все из него черпают установки и все прочее. И тут дублирование естественно появлялось».

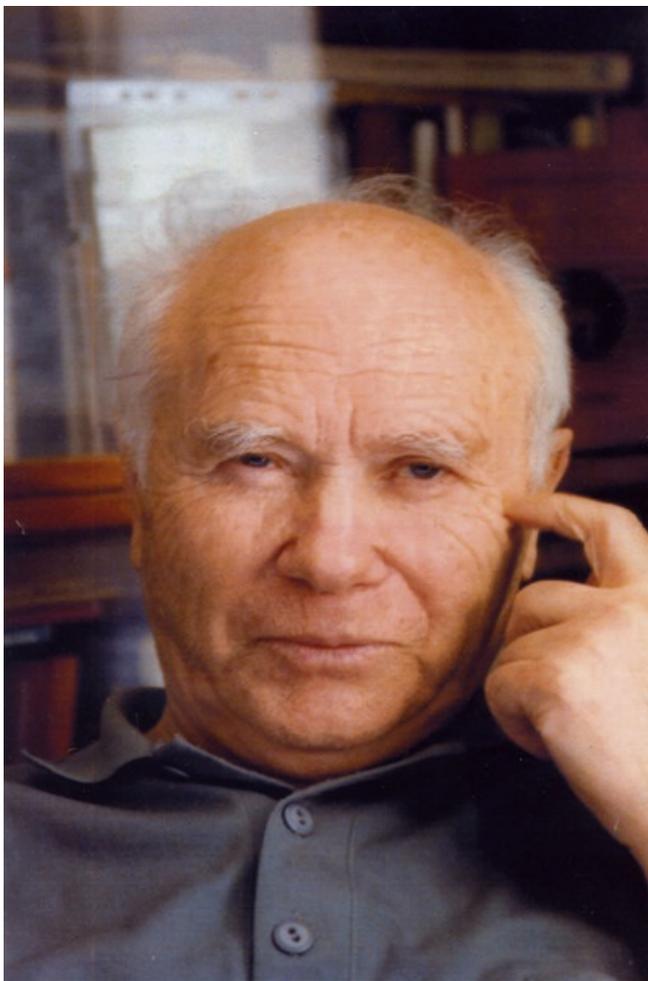
М.Н.: Неизбежно.

В.С.: Но поднялся секретарь, тогдашний секретарь парткома МГУ. Он дал мне отпор: «Что же Василий Васильевич тут говорит, что вот золотой запас неизменен: произведения Маркса, Энгельса, Ленина. А съезды?» И чуть ли не пленумы ЦК назвал, не помню.

М.Н.: Новые источники.

В.С.: «Это что, по-вашему? Что, в теорию не входит?»

М.Н.: Новые философские источники, да?

Дома. 1999

О русской философии

В.С.: Да. Ну, так поэтому разошлись, ни в чем... Дублирование было неизбежно, потому что никаких буржуазных теорий не признавалось, не пускали их, но они существовали. Но, по-моему, только кафедры научного коммунизма и истории социалистических учений. Даже Ковалёв говорил: «Вот, ко мне, может быть, ты перейдешь?» Я говорю: «Что же я буду переходить? Я работаю в истории философии так называемой зарубежной».

И это только в России есть кафедра национальных философий. Теперь во всех университетах российских.

Ни в Германии, ни в Англии, ни во Франции нет. Мощная философия! Но своих, скажем, кафедры немецкой философии, английской философии, французской — их нету, конечно. Потому что все это история философии классическая. Вплоть до середины XIX века, оно потом даже после... Ницше-то он позже... Конечно, он под влиянием был, но это другой вопрос.

М.Н.: С трудом вписывается.

В.С.: Шопенгауэр, то-се. Но факт тот, что национальная философия только в России.

М.Н.: А чем вы это объясняете? Комплексом неполноценности?

В.С.: История. Понимаете, у нас, как что образуют, то уже и идет. Вообще говоря о русской философии... Да, есть там философы. Конечно, до масштаба Декарта, Спинозы, Канта, Гегеля даже никто из них не поднимается. Хотя были там и мистики, и у религиозных слоев, и другие. Но их стали преподавать в составе русской философии на кафедре только вот в результате перестройки, а до того с 44-го года до 80-х годов... 30 лет! Если не больше... Что такое русская философия? Это революционные демократы.

М.Н.: Вы как раз пишете об этом. Что из них стали делать более крупных фигур, нежели они ими являлись.

В.С.: Стали раздувать. Хотя оригинального у них-то... Они питались западной же философией. Они — Герцен, Белинский. Белинский какой философ?

М.Н.: Писарева пытались...

В.С.: Великолепный критик, есть у него философские идеи, которые он почерпнул от друзей. Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Писарев... Они грамотны были, но их делали больше, чем они представляли. У нас, знаете, был такой эпизод, он объяснит многое. Существовали собрания общепартийные, но все члены партии туда не приходили, их так много: актив, секретари и вообще... Вот, собирали активы. И на одном, помню, активе тогдашний ректор, он самый длительный ректор в истории МГУ. Может быть, догонит его Виктор Антонович, он тоже уже сколько. С 84-го года он, да?

М.Н.: Садовничий?

В.С.: Да.

М.Н.: Нет, он с 90-го, по-моему, или с 91-го.

В.С.: С 90-го. Да. Сколько уже получается? Тоже уже около 20 лет. А тот, Иван Георгиевич, он тоже математик. Кажется, дифференциальные уравнения... Всегда на активы его приглашали. Он беспартийный и ректор. Ректор был беспартийный. Для того времени это, знаете... А ученых, таких, естественников, в особенности, не трогали. «Что же? Он не в партии? Ну, беспартийный большевик»... Так всегда были они.... И вот, помню, на одном из активов он прочитал: «Вот, есть предложение...» — кажется на естественных где-то: на физическом, на химическом, — «создать еще одну кафедру необходимую и актуальную». Он говорит: «Да, ведь знаете, ее, необходимость или нет, но ее уже не закроешь». Вот, естественников, у них... А общественников, когда началась эта перестройка так называемая, на философском ликвидировали кафедру истории марксистско-ленинской. Вот еще одна была кафедра. История марксистско-ленинской философии. Как будто ее нету, понимаете в научном коммунизме, в истмате сплошь и рядом. Да, вот ее закрыли. Вот тогда новый всплеск кафедр. Создают их, а для чего? Не очень ясно. Философия образования, история и теория культуры...

М.Н.: Вы считаете, что это некоторое дублирование? Вот история и теория культуры.

В.С.: Как будто на историческом факультете нету истории культуры? У них лучше даже, специалисты-то лучше.

М.Н.: Это было связано с приглашением Аверинцева на факультет?

В.С.: Да и Аверинцев, он не работал. Он, Аверинцев, и еще больше Иванов, и мы делали все, чтоб такая кафедра появилась. Она появилась, как раз закрыли научный коммунизм. Закрыли. И отделение политологии появилось вместо научного коммунизма. Ведь научный коммунизм, тем более, что Хрущёв... Глупость, вообще, сверхисторическая... Новая программа партии «Двадцать лет коммунизму».

«Построим нынешнее поколение, будешь жить при коммунизме». Это вот глупость, которой больше в идеологической жизни и в жизни партийной не было, чем эта.

М.Н.: То есть это предел, да? Неосмотрительность?

В.С.: Коммунизм, что это такое, теперь свободно его не преподают... Я бы сказал, что был утопический социализм, Сен-Симон, в его школе сам термин «социализм» появился. Пьер Леру, такой один из его последователей. А Маркс, тем более, Ленин, я бы сказал, утопический коммунизм. Потом ее тихо-тихо, когда Хрущёва сбросили, тихо-тихо трансформировали эту проблематику политически. Что мы переживаем развитой социализм, коммунизм. Смех ведь. Как Второе пришествие. Были умнее отцы церкви — Августин и другие. Августин говорил: «Второе пришествие Иисуса будет, но когда — никто не знает». А тут двадцать лет, да двадцать лет. Вот так, Михаил.

Критика марксистской диалектики

М.Н.: А как вы относитесь, во-первых, к тому, каков был предмет изучения? Научный коммунизм, вот тот предмет, который... Насколько эта дисциплина, с вашей точки зрения, имела право существовать на философском факультете?

В.С.: На той идеологии Маркса, Энгельса, Ленина много было марксистов. Порядочно. Он ни к чему. Вот в моей этой книге, о которой сегодня разговаривали «Философия как история философии», там есть, я не называю эпохи, но главка, назовем так. Да, главка. Там есть раздел, но он очень критический и по существу. Я вот вывел: если есть чисто философские там идеи, то они стоят на Гегеле. Ну, диалектику я вообще, в смысле Маркса, Энгельса и тем более Ленина, перечеркиваю. Она не оправдана. Он говорит, история философии — Кант. Родилась она в кругу Сократа, Платона, Аристотеля, они в ней точку поставили.

М.Н.: Вы считаете, что продолжать...

В.С.: Нет, что значит продолжать? Точку, а вот диалектическая логика, тут Гегель виноват. «Наука логики», логика у него неоднозначна. Логика традиционная. Он ее стремился растворить, это его словосочетание, «в диалектической логике», но слово-то опять платоновское. Μέθοδος διαλεκτική — диалектический метод. Это платоновское. И принципиального там нету. И ведь критики марксизма, критика убедительная, она со времен Бернштейна. Бернштейн философией, как таковой, не занимался. Но он говорил: «Марксизм, кризис всего и несоответствие действительности — в значительной мере результат их попыток на диалектике построить, дабы на гегелевском учении». А другие: Грамши, Лукач, они как-то пытались, вот сейчас, вот этот... Теперешний наш... Они берут критику, критику капитализма. Всегда она была, и на этом Маркс, какой Маркс? На этом утописты: Сен-Симон, Фурье, Оуэн — критиковали капитализм. И из этой критики и родился социализм как противоположность капитализму. Сказать, что марксизм исчез — нет. Его и издают, и прочее. Но у нас самый, как бы сказать, самый поверхностный у Ленина. Ленин был слабый философ, говорить о нем как о философе всерьез нельзя. Вон у нас даже диссертацию посмотрим о Богданове. Богданов сначала с Лениным был и один из организаторов большевистской партии, но Богданов был куда образованней, чем Ленин.

М.Н.: Да-да, вы как раз в своей статье так и оценивали.

В.С.: Ленин был только политик, а он, Богданов, политик — постольку поскольку. Он и романы писал, но и умер трагически. Вы знаете, как он умер? Почему он умер? Он Ленина-то пережил, но он помоложе на три года. Он организовал институт переливания крови.

М.Н.: Да, да. Случайность, именно так.

В.С.: Вот в том самом здании, где теперь французское посольство. Проводил эксперименты и на себе, а разработано не было медицински это переливание все эти годы. И вот один из экспериментов на себе кончился его смертью, был 28-й год. Сейчас переливание крови — это обычная медицинская практика, а тогда ее не было. Но он один из пионеров у нас, вот такой философ. Он, правда, много писал и повторял себя. Это другое дело. Вот «Эмпириомонизм» его — это его главное произведение, но достаточно туманное. Оно против Гегеля, диалектики. На «Эмпириокритицизм» Ленина он написал несколько рецензий, в том числе марксистских рецензий до революции. А, в частности, Иван Ильин, которого сейчас прислали нам, архив взяли его, его выслали на этом корабле, он тоже убыл... Антисоветчик... Все они были, но Ильин, он... Ленин писал под псевдонимом Ильин. Уйма была псевдонимов, пока он не вышел, Ульянов не стал Лениным. А вот Богданов его ликвидировал как философа, была такая почти брошюра «Наука и вера». В перестройку эта кафедра... Тут уже министерство не могло бороться — Елютин умер, не помню когда. И тут уже Мохов — главный противник социологии, которого критиковали в печати уже, и тогда наши начинающие социологи, но серьезные ребята, мужчины. Появилась и кафедра, и дошли до факультета. Это с кафедры методики конкретных социальных исследований. Вот Левада, наш выпускник 52-го года, вот сейчас он организовал настолько авторитетное бюро. Сейчас уже центр, или что? Центр Левады вот такие-то сведения дает. Левада уже года три-четыре как умер.

М.Н.: Скажите, Василий Васильевич, а политология как дисциплина в какой форме могла существовать в советское время? В идеале.

В.С.: Я бы сказал, она сливалась с политикой и, в общем, ее поглощала история партии. И какой-то особой политологии в советское время... Предмета такого не было! Политика — да, как таковая существовала. И реализовалась тоже. Все: и Ленин, и Троцкий, Сталин тем более — чем они занимались? Политикой. В ней много аспектов. А какой-то предмет особый... Вот, научный коммунизм — не поймешь что. Философии там почти не было, вот было на отделении, оно существовало недолго, появилась и кафедра даже истории социалистических учений. Вот, на русской философии теперь... Раньше только революционные демократы, теперь же их забыли.

М.Н.: Крен в религиозную философию.

С.А.Ф. Лосевым на даче А.Г. Спиркина. 1980

О русских философах и дореволюционных кафедрах философии

В.С.: Она была не только в религиозную философию. Но религиозный Соловьёв-то самый. Религиозный философ. Много их было. Философов революционно-русских. Здесь были. Вот крайний слева — Лопатин. Он из круга Соловьёва. Трубецкой Сергей Николаевич — историк философии античной, древней, главным образом. И он примыкал к этой кафедре, но умер совсем молодым. 43 года. У него история античной философии. Ректором даже стал университета, но человек с плохим здоровьем. Что-то в 5-м году он, защищая интересы университета, тут еще студенческие волнения, поехал в Санкт-Петербург, в министерство, и в министерстве умер. Брат его Евгений Николаевич... Это вторая кафедра философии, можно сказать, была на юридическом факультете. То, что там сейчас, не знаю, преподают или нет, историю политических учений. Они это именовали и занимались — философия права. Там было много... Вот Трубецкой Евгений Николаевич, кажется умер, когда остатки деникинских войск в Новороссийске бежали в Крым, в Болгарию, в Югославию. Новгородцев заведовал кафедрой, кажется, Павел Иванович, вот он обосновался в Праге, по-моему, чуть ли не в Карловом Университете, самый древний университет. Так и Ильин оттуда... Вышеславцев оттуда, вот учеником Вышеславцева... Кафедра-то философии права, но они, пожалуй, шире брали, сильнее были. Вот Лопатин пережил революцию, умер в 20-м году. А до этого он был деканом что ли, по-нашему. На философском было две кафедры: истории философии, никакой другой философии не признавали, и психологии. Челпанов. Из психологии родилось на философском факультете в будущем отделение. Вот еще — отделение психологии. Челпанов его... А потом тут сильные, у психологии, как специалисты, как ученые, они были выше философов. Но до 66-го года они существовали как отделение философского факультета.

М.Н.: Вы сказали: «Они были выше философов». В каком смысле? Вы кого-то конкретно имели в виду?

В.С.: Как специалисты. Экспериментальная психология, ну как же. Но они были и образованы. Выготский, он умер рано. Рубинштейн, Теплов, Леонтьев, Лурия. Кто-то мне говорил: «Портрет его в Лондоне, Александра Романовича Лурии».

М.Н.: Отечественные классики психологии?

В.С.: Если хотите и классики... Их было [много]. Я вам не всех перечислил. Зинкин... нет, не в Москве, сын его теперь подвизается... В Академии ИЗО, она называлась педагогических наук, была образована в свое время при Сталине. Вот «Краткий очерк истории ВКП (б)», который, так сказать, отменил все другие истории партии, а Сталин, наверно, он все-таки редактор был. Смотрел и говорил: «Вот так, вот так». Но он сам написал там очерк небольшой, главку о диалектическом историческом материализме. Вот, про нее тоже [можно сказать].

Без нее нельзя было ни читать лекции, ни сдавать экзаменов, и так было до XX-го съезда.

Правда на XX-м съезде Хрущёв очень глупостей наговорил и о Сталине. Да, есть за что критиковать, но у него были и положительные стороны, он был великолепный организатор.

М.Н.: Хрущёв?

В.С.: Нет. Сталин. А Хрущёв нет, Хрущёв вообще безграмотный, он малограмотный человек. Он же и окончил-то сельскую школу. А потом, я не знаю сколько, год-два углублял свой профессионализм в Промышленной академии. Одна из тех, из таких... Создавали академии, знаете, все... Это как сейчас, можно аналогию проводить, как артист какой-то... Звезда! Вот, звезда! Не к чему эти вот наши преувеличения.

О советской философии

М.Н.: Василий Васильевич, я хотел спросить, а для современных дисциплин, как социология или политология, так или иначе вышедших с философского факультета МГУ, чтобы эти дисциплины могли бы взять положительного, если отстраниться, абстрагироваться от идеологической догмы, чтобы они могли взять из советской или марксистской философии? Сейчас, с вашей точки зрения, что положительного можно взять из того периода? Доминирования той парадигмы мышления.

В.С.: Из марксизма?

М.Н.: Из марксизма и из советской философии, если о такой можно говорить.

В.С.: Советской?

М.Н.: Да.

В.С.: А я не знаю что. Из советской если... Как понять советскую философию... Асмус, да и Лосев, они все были вынуждены несколько перестраиваться. То есть книги и статьи их бы не опубликовали, если бы так или иначе они не сказали бы что-то о Марксе, Энгельсе, Ленине. А что брать? Берут критику капитализма Маркса. Она в общем-то правильная. И до него... Критиковали его современные марксисты, неомарксисты. Начиная с Бернштейна... Они на чем? Они на критике капитализма. Только беда в том, что социализм-то был вне критики, а в нем полно было... Что он привел, к чему? Хрущёв там, по глупости — двадцать лет, все! Будем жить при коммунизме! Потом острили. У нас была прекрасная газета в Институте философии. Очень была хорошая. Эти академики кипели, потому что их так прорабатывали. Не под их именами, но они узнавали себя.

М.Н.: Да, это известная газета.

В.С.: И вот, когда покачнулось все это, и перечеркнули и развитый социализм, и, тем более, лозунг: «Нынешнее поколение будет жить при коммунизме!» Одна из острот там была: «Нынешнее поколение будет жить при новом учебнике по научному коммунизму!» Вот в таком духе. А против начальства, ведь все сверху определялось в ЦК, там такой лозунг: «Вся власть...», по ленинскому — «Вся власть советам», «Вся власть ученому совету». Причем, академики-то, почти все были не очень грамотны. Философию, историю философии они знали плохо или не знали, вообще были пронизаны марксизмом-ленинизмом.

М.Н.: А чем это объясняется, Василий Васильевич?

В.С.: Как чем?

М.Н.: Тем, что традиция была прервана в 20-х годах?

В.С.: Да нет. Я имею в виду, что те с необходимостью. Власть взял Ленин под марксистскими лозунгами. Другое дело, что он и марксизм-то знал по-русски, догматично. Он не знал, что такое теория отражения. Он был не марксист просто, как вам сказать, очень такой последний в России. И это стало догмой. А когда становится догмой, а власть-то у марксистов, что вам делать? Где вы будете работать? Извольте, вам нужно все-таки оправдывать свое существование, писать. Что писали? Брошюры.

Если у вас нет там каких-то цитат из Маркса, Энгельса, Ленина и, долго, Сталина, то вас никто публиковать не будет.

Или впишут, а что делать? Некоторые всерьез это... А так, что взять? Я не знаю.

М.Н.: А теоретически то, что вот ругают западные исследования социологические, политологические тем, что они слишком эмпиричны, слишком узкие.

В.С.: Разные. Сказать, что не только эмпиричные... Видите ли...

М.Н.: А вроде как марксизм характеризуется широтой, теоретичностью.

В.С.: Во-первых, у Маркса с Энгельсом есть теоретические вопросы. Собственно, вот главная идея Маркса — отчуждение. Она подчеркнута у Гегеля и Фейербаха. Что там Грамши и вот лежит этот, он здесь у нас лекции читал. Видите, они пытались марксизм увязывать с какими-то другими идеями философскими. У нас сейчас, пожалуйста, Хабермас приезжал. А в новом издании, где у меня есть, уже в первом издании есть глава «От философии к идеологии». Вот тут проблема «соотношение философии и идеологии». Но в новом издании будет так: «Исторический материализм Маркса и диалектический материализм Энгельса»! В основном это так.

М.Н.: Такое разделение? Вы в своей статье в «Вопросах философии» тоже проводите такое разделение.

В.С.: Да. Теперь будет более основательно. Должно быть. Уже книга готова, вот теперь здесь остановка за издательством этого второго издания. В первом это уже было. Вот есть обсуждения. Было два обсуждения: первое... Нет, у меня еще была их предшественница «Историческое введение в философию». Но там до Канта. А теперь вся немецкая [философия] Шопенгауэром заканчивается, Маркс, Энгельс будут сильно пересмотрены. Вот были обсуждения. Вот если это вас заинтересует.

М.Н.: Да.

В.С.: Во втором номере за 95-й, нет. Обсуждение в 95-м году, а отчет о нем — стенограмма, в основном правленая — это третий номер за 96-й год в «Вопросах философии». Там очень интересно, там споры есть, поправки.

О праве на национальную философию

М.Н.: Когда вам пришла идея вот такой масштабный труд создать? Как вы решились на это?

В.С.: Идеи появляются органически, если занимаешься долго, и предмет интересует не с какой-то «логики». Вот беда нашей философии в том, что их пишут, чтобы оправдать, прошу прощения, зарплату, отчет или выбор. А сколько у него книг? А что в книгах-то, если их содержание знает только автор, да и то, не всегда они оправданы в итоге. <...> Что еще? Видите, сколько я вам наговорил? Да, трудно. Вот обилие книг, которых сплошь и рядом никто не читает, кроме автора — это бедствие. А без них попробуй, отчитайся. Особенно у нас есть повышенная зарплата, 30 тысяч получает профессор, ну, ничего мы так. Говорят, что во ВШЭ 80 тысяч будто. У нас 30. Но чтобы повысили до 40 тысяч, нужно отчитаться, что ты сделал за этот семестр. И там книги, статьи.

” Да я сколько раз уж выступал, что книги философские — сплошь и рядом игра в термины. Не проблематика их интересует, они не способны понять эту проблематику!

Вот об этой книге говорили, что идей очень много. Терминов новых не упоминаю, но переосмысливаю старые термины. Какие старые? Они традиционные. Что такое философия западная? Терминология какая? Греко-латинская. На 99%, на 95%. И вот опять национальная философия только в России. Между тем право на национальную философию имеет только Индия. Язык другой и прочее, хотя проблематика... Особенно древняя, у них есть древняя, современная, они все... Арабская философия и мусульманская философия. Ее без Платона, Аристотеля и не было бы... Тоже на ней. Не позже. Средневековая философия... Фома критикует мусульманство, считает, что вот это — посмертный мир, гурии и прочее. Фома пишет, в частности, что это язычество. Но как это язычество влияет? Они вот в этом, сила религии как догматики. Догматики в христианстве тоже есть, но они так за нее же держатся! А у них, смотрите, они всерьез взрывают себя: «Будем тут же, будем в том мире, и гурии нас будут обслуживать». Вот так у нас, такие религиозные переживания были в Средневековье, в эпоху Реформации. Не помню, представитель какого-то течения, это все было ересь, с официальной точки зрения. Им говорили: «Что ж, теперь вы будете чуть ли не сожжены», а они чуть ли не пляшут: «Мы-то вот скоро окажемся, и мы посмотрим, когда вы туда явитесь!»

М.Н.: И в каком статусе.

В.С.: Ну да. Вот один политик, когда какой-то зашел разговор о посмертной жизни, политик близкий к коммунизму говорит: «Что сказать? Конечно, рай. Климат там, действительно, хороший. Но если в ад попадешь, то ведь какое общество!»

М.Н.: Василий Васильевич, а вам не кажется, что монотеистические религии не случайно и, вообще, религиозная культура, религиозная философия не случайно с такой настойчивостью проводит демаркационную линию между собой и древними формами верования: анимизмом, тотемизмом, фетишизмом. Не случайно так сильно педалирует эту тему, потому что в действительности сильной границы нет между этими... И превращенные формы анимизма, тотемизма, фетишизма существуют полностью в рамках религиозных верований в настоящее время.

В.С.: Видите ли, все-таки при всем обилии нелепостей вот этих языческих поверий, а поверья-то они давно. Все же с начала пробивала себе дорогу идея монотеизма, единого Бога. И победила ведь. В эпоху последнего христианства и другие боги претендовали на преимущество. Митра, скажем, один из иранских богов, но победил Яхве, еврейский. Он самый... Последование просто вот. Ведь Библия отредактирована, она с XIII века, со времен Авраама. Если от него отталкиваться, он называет арамейские религии. Так вот все это было собрано в V веке, и вот там возобладали Яхве. Раскритиковал, то есть показал подлинную историю Спиноза в своем «Богословско-политическом трактате». Отнюдь не Моисей — автор

Пятикнижия, самого теоретического раздела Библии, а Спиноза. Были и в средние века критики, среди евреев, Ибн-Эзра, например, но Спиноза такой удар нанес.

М.Н.: А вы защищались по Спинозе, по-моему, первая защита.

В.С.: Да. Философия Спинозы и современность. Я его по-новому, его у нас — материалист тоже. А я доказываю там. На Западе так оно было принято, но я по-своему. Что он материалист в одном атрибуте, в материальном, детерминизм.

М.Н.: Протяженность.

В.С.: А в духовном они независимы. Что первично? Что вторично? Оба они первичны.

М.Н.: Эту фигуру очень сложно отнести к этой жесткой дихотомии — материалистической, идеалистической.

В.С.: Да нет, просто бессмысленно ее относить. Вообще, философии чужды вот такие догматические положения, утверждения. Религии — там они на месте и в этом сила религии.

М.Н.: Четкость. Свой-чужой.

В.С.: Вот. Если хотите.

Фотографии любезно предоставлены В. В. Соколовым